

18+

Людмила Байкалова

*По грешным
местам*

Людмила Байкалова

По грешным местам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67871675

ISBN 9785005674517

Аннотация

Второй сборник малой прозы автора. Герои рассказов – простые люди, среди которых мы живём. Все они разные, но всех их объединяет одно – прикосновение любви и судьбоносный выбор, на пороге которого они стоят. Все истории и персонажи вымышлены, совпадения случайны, однако на страницах книги кто-то из читателей узнает себя или своих близких людей. Что ж! Пусть литературные герои помогут нам взглянуть на ситуацию со стороны и сделать верный выбор.

Содержание

ЗМЕЯ И ЧЕРЕПАХА	5
НА ГРАБЛЯХ	30
ЧЁРСТВАЯ ПЛЮШКА	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

По грешным местам

Людмила Байкалова

Редактор Елена Михайловна Запатрина

Корректор Светлана Алексеевна Егорова

Дизайнер обложки Александр Грохотов

© Людмила Байкалова, 2022

© Александр Грохотов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-7451-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗМЕЯ И ЧЕРЕПАХА

Лидия Даниловна отпраздновала золотой юбилей и уволилась. Настала пора жить неспешно, с удовольствием. Путешествовать, например. Муж с годами стал невыносимо скуп, но дом содержал в достатке, поэтому кое-какими личными сбережениями она могла тряхнуть. Но как снег на голову стряслась беда, и грандиозные планы рухнули, а банковский счет скоро растаял.

Тишина воскресного утра, которую всегда ценила хозяйка богатой трехкомнатной квартиры, тоскливо пульсировала в висках. Грустно. Дождалась. Докатилась. Лида Кузнецова – пен-си-о-нер-ка! Слово-то какое мерзкое!

В былые годы дни рождения праздновали шумно и весело – брызги шампанского, стол с прогибом. Нынче пустой холодильник отключен. В кухонном шкафчике – пачка макарон да пакетик лаврового листа.

«Жить не на что» наступило ещё на прошлой неделе. За три тысячи она сдавала в аренду мужнин гараж, но эту «трёшку» на месяц не растянешь. И её как милостыню ближайšie два месяца не подкинут. В гараже крыша потекла. Съёмщик взялся ремонтировать в счет платы. С работой у Лидии ничего не клеилось. Окунуться снова в бухгалтерию не хотелось – компьютер хорошенько подорвал зрение. Целый год женщина ломала голову, перебирая городские газе-

ты и интернет: какого рожна бы ей хотелось? Торговать она никогда не умела. Преподавать тот же бухучет – ни за что! Учитель из нее никакой. Нянькой в детсад – ужас! Детский тарарам терпеть не могла всю жизнь. Своих чадушек хватило! Давали жару! Особенно сын. Пробовала Лида заработать рукоделием. Связала два кардигана соседкам, и на этом заказы кончились. Злясь на собственную беспомощность, доведшую до нищеты и одиночества в квартире, напичканной роскошью, она вышла на остеклённую лоджию и выглянула в окно.

Осень печально скидывала последние лохмотья. Солнечные лучи мягко обволакивали восточный край блёклого неба над городскими кварталами. Двор, стиснутый коробками построек, сумрачно дремал. Гулко хлопнула дверь – это из второго подъезда, суетливо семеня кривыми бульдожьими лапами, выбежал на выгул пёс Голд, таща за собой на поводке едва поспевающую хозяйку. «О! Французы нарисовались! Ушки на макушке, хвост крючком, нос пяточком!» – иронично подумала Лидия, разглядывая соседку в потрёпанном безликом пальтеце. Надменно вздохнула, мысленно добавив неприличное «пи» в начале фамилии: «Никто же тебя, Бездухина, не видит, а ты улыбаешься, блаженная! Улыбается она! И чему все время можно улыбаться? Всю жизнь беденькая и бледненькая, а улыбается... гуимплен.

Подъезд выпустил наружу многодетную семью. Кузнецова горестно покачала головой: «Как можно жить в такой тес-

ноте? Семеро в двушке! Мать с отцом, эта парочка – гусь да цесарочка! Троица малышей, и четвертое пузо на нос лезет! Долбанутая парочка. Долбанутая. Хоть бы предохраняться догадались. На дачу, видать, с утра пораньше. Базлать не будут целый день под окнами. Хорошо». Молодая семья втиснулась в старенький жигулёнок; мотор, чихнул-плюнул, хрюкнул-стукнул, и ржавая развалюшка укатила.

Вот так, своеобразно размяв щупальца души, именинница поздоровалась с окружающим миром, огорчаясь, что этим утром до неё никому нет дела. Что-то не так задалось в судьбе. Камни разбросала, а собирать – не получается. Лидия захлопнула окно, прошлась по комнатам, лаская мягкой салфеткой дорогую мебель, отполированную до блеска, стройные ряды массивного хрусталя и вычурного фарфора на полках. Пропылесосила восточные ворсистые ковры на полу. Зачем-то раскрыла шифоньер, перебрала вешалки с дорожными одеждами и коробки с обувью. Зачем ей теперь все это нужно? Зачем? Если ни радости, ни пользы не приносят. Идти в дворники? Мести улицы в брендовых нарядах? Она представила себя одетой в долгополую норковую шубу, невесомую и нежную, с метлой в руках... горько усмехнулась.

Зачем нужна эта шуба? Один раз надевала – на свадьбу дочери, в Москве. Здесь – не Москва. В дождливом южном климате не выгулять меха! Конечно, надо продать бесполезную шкурку, пока моль не слопала. Хоть за сколько, ведь модель устарела. Но это потом. Что же делать, как юбилей от-

метить? Не макаронами с лаврушкой же.

И тут до Лидии дошло, что привычка сработала, а праздновать не с кем и, скорее всего, незачем. С тёзкой, Лидой-Колобком, расстались нехорошо. Ровно год назад разругались. Как уехала лучшая подруга в Брянск на встречу со своим счастьем, так ни слуху ни духу. Старшая сестра живет за тридевять земель и постоянно болеет. Детям и подавно не до неё. «Хоть бы позвонить догадались. У людей как у людей! Дети, внуки, родня, приятели – праздник! А тут – обстановка. Здравствуйте, господин Китайский Фарфор! Добро пожаловать, госпожа Венецианская Люстра! А пошло всё НА!... НА!... НА!... Есть одна вещь! Тот дурацкий перстень с фальшивым рубином, который Вовка подарил с первой полочки! К черту эту бездарную безделицу советской штамповки! В нём золотишко граммов на пять потянет! А не сгонять ли в ломбард? Эх, себе любимой накрою стол, включу телевизор, чокнусь с каким-нибудь мачо из сериала и поздравлюсь», – осенило вдруг!

В углу прихожей во вместительной кладовке покорно ютилась металлическая стремянка. Лидия достала помощницу, установила её в самой высокой позиции и взобралась на предпоследнюю ступеньку. На антресоли, за родительским пузатым чемоданом с семейным архивом, в потайном уголке пряталась жестяная коробка с драгоценностями.

Лидия всегда обожала украшения. Приобретала, с радостью носила, но больше коллекционировала: так они с Воло-

дей вкладывал деньги до поры до времени. Потому и хранились дорогие побрякушки подальше от глаз, даже собственных.

Пыльный чемодан, набитый законсервированными воспоминаниями, требовал гигиенической процедуры, пришлось спустить его на пол. Защелки оказались отпертыми, и внутренности вывалились наружу пыльной бесформенной грудой. Что за напасть! Еще лишней уборки не хватает в этот безумный день! Вооружившись влажными салфетками, она уселась на нижнюю перекладину лестницы и принялась протирать семейные артефакты. Две канцелярские папки с бумагами сразу отложила в сторону. Надо бы еще раз скрупулезно поискать документы, которых не хватает для полноценного вступления в наследство после смерти мужа.

Руки потянулись к старому школьному фотоальбому. Внушительных размеров том в бордовом бархатном переплете, с картонными страницами... Дверца приоткрылась, погнала по лабиринту памяти; потекли, отражаясь в зрачках, картины прошлого. Где-то вкривь и вкось, где-то совсем перевертышем. Это резные уголки, наклеенные некогда отцовской рукой на шершавый картон, надорвались, треснули, во все отвалились, и нарушили строгий порядок бытия, перемешав чёрно-белые снимки.

Если бы в детстве Лидуська слышала непонятное слово «фотосессия», то наверняка рассмеялась бы, напевая его на разный лад. А было это почти полвека назад! На крыльце

дома, у ворот детского сада, откуда торжественно двинулась процессия к школьному порогу! И этот двор, предтеча звонков, и этот день как вчера – всё свежо на ощупь.

По тем временам фотоаппарат «ФЕД» считался роскошью! Папа в этом смысле был богачом. Он колдовал над химическими реактивами, в цилиндрической пластмассовой черной коробке проявлял пленку, потом вечером плотным покрывалом занавешивалось кухонное окно, на обеденный стол водружался фотоувеличитель, расставлялись специальные пластмассовые ванночки оранжевого цвета с волшебными реактивами, загорался красный фонарик. В этот магический шатер никому кроме Лидуськи не было допуска. И замороженная волшебством девочка сидела на высокой табуретке, крутила винтик, меняя кадры в рамке, следила, как отцовские губы отсчитывают секунды над фотобумагой, а широкий плоский пластмассовый пинцет фокусничает, отправляя бумажные прямоугольники то в одну ёмкость, то в другую: проявитель – промывка – закрепитель – промывка. Всю ночь, как носовые платки после стирки, фотографии сохли под потолком кухни, прищепленные к верёвочкам. А утром! Чудо! Ворох резко пахнущих карточек. Вот они. Обычная советская первоклассница. Короткая прямая челка. Две баранки косиц вокруг торчащих ушей. Два белоснежных капроновых банта – четыре лепестка каждый. Щербатая улыбка – второй верхний коренной резец не вошел в силу. Пышный букет астр в руках. Даже сейчас, в черно-белой памяти

фотоснимка не иссякло его разноцветье.

Интересно, не лукавят ли люди, когда утверждают, что скучают по школьной жизни? Лида Кузнецова (Панченко в девичестве) вспоминала «школьные годы чудесные» без нежности. Не любила она школу. То ли компания не подходящая, а в классе много было детей партийной руководящей элиты, то ли с учителями не повезло. К третьему классу девочка очень вытянулась ростом, из обычной худышки превратилась в мосластую порывистую особу. Папа отвёл её в секцию легкой атлетики, и Лидуська с удовольствием бегала, прыгала, а заслуженные похвалы тренера заменяли ей комплименты противоположного пола, не ценившего по достоинству. Кличка Щеколда, с острого языка одноклассника, завязатого хулигана с «камчатки», привязалась к ней навечно. Из-за этого она и вечера встречи выпускников всегда игнорировала.

Это уже пятый, шестой классы. Среди Наташ, Тань, Ир, Свет и Люд она одна носила несколько старомодное имя Лида. И вдруг в пятом появилась еще одна. Вот они, две Лиды из шестого «А», две снежинки в марлевых пачках возле школьной новогодней елки! Лида Мурзина. Низкорослая, пухлая и вялая фигура девочки прилепилась к Щеколде Колобком. Лида-Колобок была старшей из четверых детей бедной и не очень разборчивой в личной жизни женщины. И её мать умерла от разгульной жизни слишком рано. Младшие дети пошли по детским домам, а Лиду до совершеннолетия

дорастила одна из теток дальнего родства и благополучно выпроводила в общагу профтехучилища, прибрав к рукам халупу Мурзиных. К тому времени две девчонки, абсолютно разные, антиподы, как запчасти мотоцикла и бульдозера, срослись в единый организм и не расставались по жизни до зрелости. Может, потому, что даже родились в один день. Большая Лида – любленная домашними, успешная, расцветшая с годами. Маленькая Лида – неказистая, незащищённая, мыкающаяся. У Большой – институт за плечами. Маленькая пэтэушкой обошлась. Работать пришли обе на текстильный комбинат, одна – в бухгалтерию, другая – в швейный цех. Потом власть поменялась, и полетела вверх тормашками налаженная жизнь с социалистическими соревнованиями и верой в светлое будущее.

Лидия передернула плечами, словно тело заново ощутило на себе душное коричневое форменное платье, украшенное по отложному воротничку и манжетам белыми кружевами маминой вязки, подпоясанное таким же белым, туго накрахмаленным праздничным фартуком.

В сознание не сразу ворвался зуммер мобильного вызова. Она непроизвольно взглянула на стенные часы – десять-двадцать утра – и нажала кнопку приема.

– Мамуля, дорогая моя! Мы с Лёшей поздравляем тебя с юбилеем! С днем рождения, мамочка! Главное – здоровья!
– Леночка! Доченька! Спасибо! А вы разве не приедете?
– Мама! Ты что? Из Москвы? Алексей работает. Я лечусь

от бесплодия, чтобы тебя порадовать внуками...

– Лена! Какое бесплодие? Ты здорова! Лена!

Отбой в трубке. Так всегда. Дорого звонить из златоглавой. Кинет слово и отключается, а ты тут гоняй тараканов по закоулкам серого вещества. Вот она, тихая-претихая. Выросла. Неужели, что-то я просмотрела? Лида-Лидка! Ты всегда была провидицей, намекала ведь, всегда твои советы были кстати! Если бы я к ним прислушивалась! Вот и проморгала какой-то дочкин грешок. Подружка, мне без тебя НИКАК!

Празднично-дружеский альбом более хлипкий. Лежали, копились фотки в конфетной коробке годами. Разные снимки, и полароидные, и «мыльничные». Пластиковый кляссер с кармашками купила уже в середине девяностых, заполнила ячейки видимостью былого счастья.

Эх, Лидка! Смешно вспомнить грех забыть, но вышли замуж за Владимиров обе, в один год, и овдовели – тоже в один год. Одна судьба на двоих. С ума сойти! По своей языкатой глупости потеряла тебя, единственную родную душу! Ох, дышать невозможно.

Начало восьмидесятых. Свадебные фото. Кузнецов работал заместителем начальника гаража. В девяностые проклятые муж с должности за баранку пересел, дальнобойщиком шесть лет колесил по всей России. Уже на переломе веков извернулся и в дамки вышел – генеральным директором собственной транспортной компании стал. А Вовка Душин был

простым бригадиром отделочников в ОКСе комбината, а потом до самого конца мотался по шабашкам. Тут они ещё невесты. Лида-большая – красавица в широкополой ажурной шляпе вместо фаты. Лида-маленькая – гипюровый воздушный клубок, и тоже хороша! Какая далёкая безмятежность! Любовь и вся жизнь впереди! Кадры – кадры – снимки – снимки! Шаг за шагом – линиялая жизнь на фотобумаге!

Виталик у Кузнецовых родился день-в-день через девять месяцев после свадьбы. Колобок выходила замуж на два месяца позже, но родила на три месяца раньше. Мертвую девочку. Пока не получили комнату в общежитии, не смогла выносить ещё две беременности. Ванюха у Душиных родился только через семь лет, на полгода позже Леночки. Говорили, что свекровь Лидку сглазила – со свету сживала, не принимая нищенку в свой дом. Какой дом? Боже! Лачуга, готовая не сегодня-завтра обрушиться, ничуть не лучше той, где родилась Мурзина. Потом уже, после материной кончины Душины долго и упорно перестраивались по кирпичику.

Заперев чемодан, Лидия положила на колени жестянку и осторожно сняла крышку, равнодушно перебрала украшения – не радуют больше. Перстень с рубином не налез на безымянный палец. А когда-то спадал, однажды чуть не потерялся на пляже. Эх...

– Ну, голубчик, будем прощаться, не обессудь, – грустно подмигнула алому камешку хозяйка, – сейчас оденемся, и пойдём в скупку.

Готовая выйти из дому, Лидия украсила ворот кашемирового пальто цвета слоновой кости пестро-радужным шарфом, надела на голову дымчато-голубую фетровую шляпку-таблетку. В дверь позвонили. Ёкнуло сердце: неужели Виталик! Но за линзами дверного глазка выпукло улыбался незнакомый мужик.

– Кто там? – осторожно поинтересовалась хозяйка.

– Экспресс-почта. Кузнецова? Элдэ? Вам посылка, отчитался бодрый голос за дверью.

Лидия растерялась, занервничала, ничего не понимая. Дрожащими руками долго, как показалось, возилась с запорами, потом, для страховки накинув цепочку, опасно выглянула в приоткрытую дверь.

– Давайте сюда вашу посылку, – с напускной небрежностью произнесла она.

– Э нет! Посылка ваша, – сострил простоватый, не первой юности парень в серой спецовке. Он просунул в щель какой-то бланк. – Распишитесь в получении.

Посылка оказалась от Виталика. Прежде чем приступить к заполнению бланка, Лида позвонила сыну, получила подтверждение посылки, выслушала поздравления с пожеланиями, пустила слезу. Как назло, куда-то пропали очки, шариковая ручка и паспорт. Пока Лидия Даниловна в их поисках общаривала сумочки, курьер несколько раз напомнил о себе настырным звонком.

– И нечего трезвонить и взламывать мне мозг, молодой че-

ловек. Заносите в прихожую, – скомандовала хозяйка квартиры, распахнув дверь.

– И вам спасибо, – пробурчал посыльный, выхватив из её руки бумагу, и рванул вниз по лестнице.

Большой картонный ящик оказался неподъемным. Лидия, поднатужившись, заволокла его в квартиру. С трудом выпрямляясь, проворчала:

– Вот козёл! Даже не помог даме. Жалобу накатаю на вашу «почту»!

Она вспорола хозяйственными ножницами упаковочную ленту. Внутри было все, что так любила она выставить на праздничный стол. Мясные и рыбные копчёности, колбасы и сыры разных сортов, несколько баночек красной и черной икры, овощи, фрукты. И даже свежий ананас! И, конечно же, бутылочка обожаемого розового абрау! На самом дне ящика лежал большой конверт, а в нём – цветастая открытка, а в ней – две красные купюры. Давно не держали руки такой солидной суммы. Лидия схватилась за телефон.

– Сыночек! Витася! Радость моя! Зачем же ты так потратился, милый мой?! – выпалила скороговоркой она, утирая слезы со щек тыльной стороной ладони.

– Мама... Мамуля... Не сопротивляйся. Зови всех старых знакомых в гости. Пусть у тебя будет настоящий праздник. А в следующую субботу – опять накрывай стол. Я приеду не один. С невестой...

– Как? Откуда? Что за невеста? – растерялась мать. – Так

быстро?

Телефонная трубка рассмеялась, зарядив мать весельем, потом, шмыгая носом, выдавила:

– Ну, юмористка! Сама пилишь, что мне перевалило за тридцать, пора жениться, внуков тебе настрогать. Вот я и нашёл кандидатку в невестки тебе. Жди нас. Только без фокусов. Договорились?

Попробуй, не договорись! Было дело, двух его финтифлюшек, по молодости, выставила за дверь, а потом действительно сокрушалась, что ребёнок перезревает для женитьбы.

Продукты перекочевали в холодильник, и он тихонько заурчал, как сытый кот, которого приласкали. Посещение ломбарда можно отложить – обрадовалась Лидия Даниловна – надо просто прогуляться, хотя бы за картошкой и хлебом. Не на колбасу же икру намазывать, в самом деле!

Впервые за много месяцев она спокойно улыбалась, правда, слегка, только уголками рта, ведь праздник живота в одиночестве большой радости не принесёт. И в таком большом городе не найдется ни одного человека, с кем хочется провести вместе хотя бы часок. У неё и так, кроме семейства Душиных, особо друзей-товарищей никогда не было. Ну, общались с коллегами по работе, однако на короткую ногу не сходились, не говоря уж о душевных моментах. Подчинённые льстили. Начальство терпело – ценным профессионалом была. Неблагодарные. Пока Кузнецова вам нужна была, никому не отказывала в помощи, кланялись, а теперь? Где вы

все? И невдомёк Лидии Даниловне, что прямота, честность и справедливость, которые она считала своей добродетелью, без дипломатичного выбора речевых оборотов воспринимались людьми как неприкрытое хамство. От языка её всегда всем доставалось.

Небольшой районный рынок располагался неподалёку, под боком нового торгового центра, вблизи автобусной остановки, но Лидии захотелось пройтись пешком, хотя бы в один конец, пока налегке. Она шла знакомой дорогой, которой ходила вот уже много лет, но улица выглядела чужой, не такой дружелюбной, как прежде. Не радовали яркие наряды в витринах магазинов – без денег туда не сунешься. Раздражали прохожие, старики – хмурые и озабоченные, молодёжь – беспечная и шумная. А рыночные цены и показное радушие торговцев просто бесили. Женщина досадно копалась в ящиках с картофелем, луком и морковью, выбирая, на свой вкус, лучшее.

Нагруженная двумя тяжёлыми сумками, Лидия вернулась домой автобусом. Дотащив ношу до подъезда, присела на скамейку – отдышаться. Над узким двориком меж длинных пятиэтажек зависло полуденное солнце, ещё яркое, но уже не горячее. Редкий день здесь был безветренным, потому что и сам микрорайон разрастался на небольшой продуваемой возвышенности, и сам двор – словно не двор, а аэродинамическая труба. Вот и сейчас опавшая листва каталась боязливой птичьей стаей от подъезда к подъ-

езду на бредущем полёте, цепляясь скрюченными крыльями за кусты, шероховатые бока бордюров в трещинах и сколах.

Тут тяжёлая входная дверь с грохотом и лязгом раскрылась, и на крыльцо выплыло яркое цветочное облачко – соседство мелких бордовых, розовых и белых хризантем с одинокой кремовой розой в центре, гибнущей от неразделенной любви. Лидия Даниловна судорожно шмыгнула носом и выдохнула, уткнувшись лицом в мягкий пушистый палантин, небрежно брошенный на широкие надежные плечи поверх старенького, очень знакомого плаща.

– Ну, будет, милка моя... хорош, говорю, рыдать. Утопишь, – вкрадчиво промолвило ближайшее плечо мягким говорком Лиды-Колобка. – Гуляешь где-то с утра пораньше, не ждёшь подругу. А я трезвоню в дверь, как дурочка! С поезда – сразу к тебе. Знаешь, кого я встретила в маршрутке сейчас? Регинку Тетюхину! Шикарная дама, как в школьные годы свежа и хороша, только очень печальная. Представляешь, она, бедняга, тоже недавно овдовела.

– Так ей и надо, этой Вагинке Сисюхиной, – беззлобно буркнула Лидия.

– Да ты с ума сошла! – возмутилась подруга. – Так и не научилась язык свой в узде держать! А если про нас так же кто-то позлорадствует, тебе приятно будет? Уж оставь юношеские обиды! Подумаешь, Валерку Тарасюка у тебя в девятом классе отбила. Благодарю, а не злишься. А то бы не она на выпускной вечер с пузиком пришла, а ты, и писала бы письма

ему в колонию ты. Натерпелась Регинка в юности. Хорошо, что со вторым мужем ей повезло.

– Да ладно, ладно. Это я так, по привычке, – ретировалась Большая.

– Ну тебя с твоими привычками! Давай-ка зови в гости, пора хеппибёздиться! Эх, мать моя! Пенсионеры теперь! Какое светлое, ласковое слово – пенъ-си-йя! Государство нынче доброе – деньги платить нам будет, лишь бы мы на работу не ходили!

Подруги ввалились в квартиру, заливаясь смехом, совсем как в старые добрые времена, наперебой разворачивая вариации на тему хорошей, хоть и маленькой пенсии. Лида-маленькая извлекла из компактной дамской сумочки неизвестно как туда поместившуюся бутылку шампанского. Хлопнула пробка в потолок, и женщины по очереди приложились губами к горлышку.

– С юбилеями нас! – четырежды пропели на западный мотив и «бахнулись в дёсна», что в переводе с кузнецовского на человеческий означает «поцеловались». Свершился многолетний дружеский обряд, словно не было долгой разлуки и обид, нанизанных на суровые нитки характеров.

Пока гостя с дороги отмокала и плескалась в ванне, хозяйка достала из серванта самую дорогую посуду и живописно сервировала стол к праздничному обеду.

Маленькая вернулась на кухню после ванны. Влажные волосы тёмными волнистыми дорожками растеклись по неза-

горелым сдобным плечам. Большая шутивно-придирчиво осмотрела фигуру подруги, до подмышек плотно упакованную в пушистое банное полотенце, и как бы ревниво хмыкнула:

– Что-то не пойму! Исхудала ты на чужбине от любви? Или не кормил молодой муж? Мне кажется, или у нас по-прежнему один сорок восьмой размер одежды на двоих?

– Ах ты, язва! – замахнулась на неё попавшей под руку салфеткой гостя. – Агрегат в рабочем состоянии?

В зрелом возрасте они действительно стали носить одежду одного размера, только конкретная разница в росте всегда неизменно подчёркивала, что одна – «щеколда», а вторая – «колобок». Но швейная машинка в умелых руках Душиной в два счёта превращала наряды высокорослой подруги-спортсменки в шикарные модели для маленькой пухлой портнихи.

Перевернули весь гардероб, решая судьбу одежды. Потом пороли, резали, смётывали. Пулемётом строчила машинка. В духовке подрумянивалась картошечка на беконе, попевала утка с яблоками. Женщины прихорашивались и говорили, выговаривались, долго и с удовольствием винились друг перед дружкой, беря ответственность за ссору каждая на себя.

– Знаешь, я ведь была не права, просто не хотела принять твоего поступка, – призналась Лида-большая. – Ты ведь до сумасшествия любила Душина. С его внезапным уходом ты, казалось, погасла на всю оставшуюся жизнь. Видеть

не могла, как ты от горя спишь сутками, чтобы встречаться с ним в болезненных снах. Не хотела отпускать его Туда. И нате вам – замуж! За какого-то неизвестного Викентия из интернета. Уехала за тридевять земель. Вот я и взбрыкнула. Теперь понимаю – зря. Жизнь на этом не кончается...

– Брось-ка, моя дорогая, – отвечала Маленькая, – ты, в конце концов, оказалась права: нельзя незнамо куда с головой окунаться. Сначала было всё, как в забытой детской сказке. И встретили меня радушно, и в семью приняли. Даже платье белое на бракосочетание убедили надеть. Ну, думаю, опять повезло: и заботливый, и работающий. Золотые руки – бутафором работает в драмтеатре! Ну, здоровье не очень – всё таблетки глотал. Я и подумала: Вовка мгновенно сгорел, значит дано с другим что-то смиренно принять. Представляешь, за весь год даже ни одного спектакля в театре не посмотрела, ни в одном музее не побывала, а ведь Брянск – город с такой историей! Где была, что делала? Сама не понимала. Только и знала: приготовила – поели-поспали – да горшки за лежачей свекровью выносила.

Вот тридцать первого августа преставилась она, голубушка... Ох и голубушка... Тут и началось. Таблетки – по боку. Да как пустился мой безутешный принц наследный во все тяжкие! Алкашом оказался Викентий. Кодированный был. Как ты и предрекала, я сбежала, в чём была. Вернулась вот. Насовсем. Можно у тебя поживу?

– Опа! Приехали! Что опять твой Ивашка-под-просто-

квашкой учудил?

– Что-что... За время моего отсутствия женился втихаря, взял за себя беженку из Украины, сорокалетнюю «девочку» с тринадцатилетним ребенком и мамашей-инвалидом. Судя по фигуре и аппетиту невестушки, скоро я стану бабушкой. Только мои законные квадратные метры прочно узурпированы какой-то тещей. А меня дальше крыльца в дом не пустили. Ваня, мол, на вахте, а мы не в курсе.

– ... Даже не знаю, чем тебя утешить. Живи. Мне, ей богу, тошно беседовать с мебелью...

Лидия Даниловна воткнула последнюю шпильку в причёску, обильным слоем наложила на губы алую помаду и, протянув тюбик подруге, одобрительно кивнула головой и выставила кверху большой палец правой руки:

– Дорогуша, ты просто супер! Тебе всегда к лицу был вишневый цвет! А меня это платье всегда недолюбливало.

– Ага. Ты так всегда, чтобы свои обноски сплавить! Но у тебя это мастерски получалось, – незлобно укорила Лидия-маленькая.

Подруги сытно и изысканно пообедали. Шампанское ударило в головы, языки ещё больше расслабились.

– А твоих придирок к Кузнецову, постоянных ваших склок я ведь не одобряла. Ты же за ним много лет жила как у Христа за пазухой. А тут – ненависть, вражда, потому что заболел и сократил расходы на твои побрякушки и шмотки. И когда его не стало, ты – вдруг вся горем убитая. Я не могла

понять, где ты настоящая. А присмотреться, а вдуматься... Да и не было причин ломать копья. Каждая по-своему переживала свою потерю, боль, считая её и только её самой большой истиной. Такой вот наш человеческий эгоизм – своя рубашка ближе к телу – становится причиной огромных человеческих потерь, где не смерть виной, а наше малодушие.

– Ну, как-то да... Живые люди могут всё исправить. А вот муженёк мой любезный, умерев, сыграл со мной злую шутку. Да и не был христовой пазухой Вовка. Блуд свой дорогами подношениями искупал. Никто же из вас не знал, как он дальнобойно на две семьи жил, причем детёныш у той барышни вряд ли от Кузнецова. Совершенно не наша порода, а папкой Володю звали, не стеснялись, от довольствия не отказывались. А я не могу в наследство вступить. Когда квартиру покупали, перестраивали, сразу не позаботился узаконить, как ни пилила его. Теперь нужна куча денег, чтобы решить вопрос через суд. У меня нет ни гроша. Никаких банковских документов я не нашла. И нотариальные запросы безрезультатны. А деньги где-то есть, я наверняка знаю. Не хочется думать о самом гадком, что они каким-то образом оказались в руках псевдо-сыночка, на запасном аэродроме.

– Убийственная новость. Сколько же лет ты скрывала, переживала в одиночку эту беду? Прости, что в глубине души осуждала твои склочные выходки, – повинилась Лида-маленькая.

– Да что ты, Колобочек мой! – всплеснула руками подруга. – Это я виновата перед тобой. Злилась потому что. Злилась на твоё невозмутимое равнодушие. Мне казалось, что ты могла бы сама догадаться, должна бы как-то вмешаться, принять участие.

– Ну да, ты ведь на любое участие так и взвивалась фурией! Не охота было лишний раз на язычок тебе попасть, – настала очередь оправдываться Маленькой.

Однако слова её воспринялись упрёком, разгорелся спор на тему кто чего недодал и перебрал в их дружбе. И возникла перепалка:

– Всю жизнь пренебрежительна к людям. Чему ты всю жизнь завидуешь? – возмущалась Лида-маленькая.

– Я завидую? Тьфу на тебя! Это мне все всегда завидуют и пакостят! – Большая выпустила крупнокалиберную артиллерию на передовую.

Подруги скрестили шпаги, как это случалось не раз на протяжении всей многолетней дружбы. Ситуация накалялась, грозя перейти в очередное хлопанье дверью. И разбежались бы в очередной раз в никуда, но, видимо, день незапланированных визитов не кончился, потому что дверной звонок опять пришёл на помощь.

Лидия Даниловна впустила в прихожую молодого мужчину высокого роста, с военной выправкой в осанке.

– Саша! Неужели ты принёс радостную весть? Крышу починил? – предположила хозяйка в надежде на арендную пла-

ту за гараж.

— Весть есть, и не одна. Не знаю, правда, насколько и какая из них радостная, — ответил гость. — Ремонт закончил. Вот чеки, квитанции — полный финансовый отчёт. Так что, извините, но ещё два месяца моя тойота квартирует бесплатно. А вот когда я снимал обшивку потолка, наткнулся на потайную нишу, а там — этакий антиквариат. Рука не поднялась выбросить: вы хозяйка — вам решать его дальнейшую судьбу.

Лидия узнала этот старенький портфель-дипломат из тёмно-серого дерматина «под крокодила», очень модный и дефицитный предмет из молодости. Кто-то из сотрудников подарил его Кузнецовым на свадьбу, и Владимир лет десять ходил с ним на работу и возил в нём командировочные документы. Она насторожилась: не зря, видать, муж, его сохранил. Тем более — замочек оказался запертым.

— Надо же, какая досада! Отлично помню, что ключик всегда находился на Володиной связке, но я, почему-то его выбросила. Уверена была, что портфель давно сгнил где-нибудь на свалке.

— Ерунда. Дайте любой острый нож — я открою, — заверил Саша.

Они прошли на кухню. Хозяйка представила гостя Лиде-маленькой, а ему объяснила наличие обильного застолья:

— Это моя подруга, тёзка, ровесница. И сегодня мы празднуем наш день рождения, один на двоих.

— Рад! Поздравляю! Надеюсь, сейчас для вас найдётся

в портфеле подарок, – сказал Саша, легко сковырнув замочек дипломата.

Лидия открыла основательно подпорченную влагой крышку и от неожиданности схватилась за грудь, где под ребрами жутко заколотилось сердце. Она тяжело осела на стул, прислонившись к подоспевшей на помощь подруге.

– Ничего себе! – удивленно присвистнул Саша. – Спасибо крыше, которая прохудилась! Иначе, Лидия Даниловна, вы ещё очень нескоро решили бы квартирно-наследственный вопрос.

Как кстати хлынули слёзы, гоня прочь длительное нервное напряжение. И как нельзя более некстати Лидия выдохнула:

– Спасибо, Саша, за то, что честно принёс деньги. Мог ведь и не отдать...

– Я? Не мог не отдать. Так же, как вы не хотели сейчас меня оскорбить.

– Да-да, естественно, не хотела. Прости, пожалуйста! Не знаю, как в таких случаях благодарить... – Она растерялась до такой степени, что, прижавшись лбом к тёплой мякоти животика подруги, боялась пошевелиться, коснуться хотя бы кончиками пальцев плотного пластикового пакета с пачками денег. Обстановку разрядил опять-таки гость:

– Ну, дамы... Дамы, не стоит сырость разводить. Всё ведь благополучно разрешилось, жизнь прекрасна и удивительна. Не так ли? Угостите-ка лучше меня шампанским! У меня –

тост!

Женщины очнулись от шока, бросились наполнять бокалы и предлагать гостю закуски. Глаза их засияли, остатки слёз испарились. И вот Саша произнёс в честь милых дам спич:

– Ползёт по дороге черепаха, а на её спине, свернувшись, лежит змея и думает: «Боже мой, еле-еле тащится эта черепаха. Укусить её что ли? Нет, не буду, а то ещё сбросит, придётся самой ползти». А черепаха пыхтит, скребет когтями каменистую тропку и думает: «Вот какая наглая змея! Едет на мне верхом, не шевелится и в ус не дует. Сбросить её что ли? Да нет, не буду, а то ещё укусит». Так выпьем же за то, что одна везёт, а другая не кусается!

Саша лукаво прищурился, выдержал короткую паузу и внушительно завершил тост:

– За женскую дружбу!

Именинницы раскрыли рты, несколько секунд хлопали ресницами, и безудержное веселье заглушило звон праздничных бокалов.

Проводив гостя, дымя сигаретками, подружки укутались толстым пледом, в обнимку уселись на диванчик перед открытым окошком лоджии, любуясь западающей за изломы городских крыш дневной звездой. Лица их разгладились, помолодели. Это звезда-солнце своим предзакатно-персиковым лучом отразилась в них. И каждая, вспоминая яркие события своей дружбы, чувствовала себя немного черепахой

и немного змей. И в этом вечернем дивном молчании, когда стихает даже ветер, намаявшийся за день, два женских голоса в унисон произнесли «а помнишь!» и тут же счастливо рассмеялись.

2018

НА ГРАБЛЯХ

Через открытую форточку в тихую скромную квартирку сочилось томное весеннее утро. Пахло талым снегом. Капель выбивала стаккато на оконном карнизе. Даже автомобильная возня по оживленной городской улице сегодня не казалась агрессивной. Солнечные блики скользили по остекленным дверцам серванта, вспыхивая внутри на острых гранях хрусталя.

Петр Петрович, пребывая в самом лучезарном расположении духа, вернул на полку до блеска начищенные полуботинки и отправился в ванную бриться. Он был абсолютно уверен: ничто и никто отныне ему не помешает наслаждаться счастьем. Матушкино монотонное ворчание едва доносилось из кухни и нисколько не раздражало. Её репертуар за последние сорок лет не изменился. Анна Петровна гордилась своим философским изобретением, некой «доброй народной мудростью»: умные учатся на чужих ошибках, а глупые – на своих. Те, кто вообще никогда ничему не учится, относятся к подотряду «дураки».

Собирая сына в седьмой раз в загс, она отпаривала утюгом его парадную белую сорочку, туго накрахмаленную по случаю очередной женитьбы, и привычно выговаривала:

– Сколько можно наступать на одни и те же грабли? У меня такое впечатление, что ты, как встал на них в двадцать

лет, так и не слезаешь с тех пор. Как назвать человека, который всю жизнь получает по лбу рукояткой, но без своих грабель и шагу не ступит?

– Не стесняйся, мамочка, называй всё своими именами. Звание дурака, впрочем, в фольклоре не такое уж и оскорбительное! – пробурчал Петя под нос, густо намазывая лицо стареньким помазком.

– Так эти сказки сами дураки про себя сочиняли, а в реальной жизни всё гораздо сложнее, – вздохнула мать. – Объясни, для чего снова жениться? Может, достаточно? Валерия – не пара тебе! Услышь меня. Мать дурного не посоветует.

– Люблю! Люблю опять, как в первый раз! – напевно воскликнул сын, доставая из чехла строгий тёмно-коричневый костюм, шитый ещё в канун предыдущей свадьбы.

– Любишь! Слышала не раз. Как же! Ох, Петруша, не заботишься о своей репутации, – снова укорила Анна Петровна. – Уважаемый человек, директор районной библиотечной системы, а в жены выбрал простую маникюршу. Ей тридцать пять лет! Понятно, родителям лишь бы сплавить дочку, вот и вцепились в Петра Музыку. А ты и рад.

– Я и сам как-то не мальчик. Ты не заметила, что мне уже сорок два? – степенно ответил сын на нравоучения, освежая бритые щеки «Шипром» из матушкиных доперестроечных запасов.

Жених рассовал по карманам пиджака носовой платок,

телефон, расческу, тощий бумажник. Мать, закончив манипуляции с упрямой рубашкой, передала утюг сыну и достала из комода коробку со швейными принадлежностями. Нацепив на кончик носа очки, она вдела нитку в игольное ушко и принялась пришивать к строгому черному платью праздничный белый воротник, связанный крючком собственноручно.

– Не понимаю, мамочка, почему всякий раз ты не довольна моим выбором? Ни одна из моих жен не угодила тебе как свекрови, – отозвался жених с кухни, тщательно утюжа стрелки брюк.

– Интересно! А хоть одна из них пыталась мне угодить? Меня можно недолюбливать. Но тебя – за что? Ни одна не удосужилась родить тебе ребенка.

Петр мудро промолчал в ответ. Не стоит спорить с матушкой, когда она готовится произнести вдохновенное наизидание. Из года в год, от случая к случаю содержание его ширилось, а количество персонажей с каждым витком событий нарастало. Ассортимент пикантных подробностей пополнялся. В каком же темпе и стиле прозвучат вариации на тему семейной жизни сегодня?

Анна Петровна, не встретив сопротивления, патетично вознесла глаза к потолку и менторским тоном принялась перечислять недостатки всех предыдущих невесток, по мешку критики на каждую. Однокурсница Настя ни разу не сварила мужу тарелки супу. Тунейдка Евгения вгоняла Петрушу

в долги. Карьеристка Светлана повесила на мужа трехлетнего пасынка и ударилась в бизнес. Валентина-аферистка пригласила к размену чудесной дедовой квартиры и была такова. Неумеха Ольга вообще не знала, с какой стороны люди входят во взрослую жизнь. А милая Сонечка – оказалась бытовой пьяницей.

– Все они тебя использовали в корыстных целях, – возмущённо подытожила матушка. – Что ты с ними нажил, голубчик Петр Петрович? Ни-че-го ровным счетом! Разве что язву желудка, лысину да растрепанные нервы! Благодаря твоей доверчивости теперь и привести молодую жену некуда. Никогда не думала, что старость коротать придется в убогой однокомнатной квартире с взрослым сыном за ширмой.

Пары были выпущены, и Пётр, прижав к своему длинному субтильному торсу маленькую пышную мамочку, чмокнул ее в седые кудряшки на темени:

– Ну, что ты, родная! Не убивайся так! Сегодня отличный день; слышишь, как воробышки за окном расшумелись? Обещаю, что Валерия тебе понравится. Хозяйственная. Положительная. Обеспеченная. Одна у родителей. Всё – для неё. Под тещу тяжело будет подстроиться. Чувствую, она против меня настроена заранее, но постараюсь ужиться. Постараюсь, мамочка. Все будет хорошо. И внуков тебе родим обязательно.

Из экономии решили добираться троллейбусом. По дороге на остановку зашли в гипермаркет. Петр купил живопис-

ный торт в форме корзинки с клубникой, бутылку игристого вина и букет белых лилий.

Перед заходом солнца буднично скучала без свадебных кортежей. До назначенного времени бракосочетания оставалось еще двадцать минут. Анна Петровна, чтобы не озябнуть, пошла обходить ближайшие магазинчики «с экскурсией». Обласканный весенним чистым солнцем, посреди сквера стоял в ожидании нового счастья Петр Музыка, весь торжественный и просветленный.

Прошел час. Невеста так и не явилась.

2014

ЧЁРСТВАЯ ПЛЮШКА

Хлопнула входная дверь. Об пол шлепнулся ранец. Полетели в угол грязные ботинки.

– А кто это пришёл? – заворковала бабушка, алым передником на большом животе выплывая из кухни, – Наташенька! Красавица наша!

Старушка расцеловала девочку в пухлые розовые щёки, расстегнула пуговицы на шубке и развязала тонкие капризные шнурки цигейковой шапки.

– А что у нашей умнички в тетрадочках сегодня? – сюсюкала бабушка между делом.

– «Пятёрочки», бабулюшка, только «пятерочки», – елеинно подражала ей внучка.

– Ты мой работник! Ты моя умная головушка! Проголодалась поди? Мой ручки, голубка, красавица наша.

Основательно заправившись пшённой кашей со шкварками и напившись горячего чаю со сладкими пирожками, Наташенька протопала в комнату, плюхнулась в испуганно охнувшее кресло. Девочка вытянула пухлые ноги в сползших чулках на старый протёртом бархате пуфика, взяла с тумбочки раскрытую толстую книжку и блаженно погрузилась в чтение. Она вдохновенно поглощала страницу за страницей, держа книгу в левой руке, а правой производила весьма странную манипуляцию. Указательный палец ковырял в но-

су, а средний придерживал на кончике носа сползающие очки. Бабушка вышла из кухни, на цыпочках подошла к читающей внучке и любовно погладила ее по головке с четким ровным пробором меж двух жидких косиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.